

ПОСТМОДЕРНИСТСКАЯ АНТИУТОПИЯ М. УЭЛЬБЕКА «ПОКОРНОСТЬ»: ПОСЛЕДНИЙ ДУХОВНЫЙ КРИЗИС ЕВРОПЕЙСКОГО МИРА

Л. Ю. Стрельникова

Армавирский государственный педагогический университет

Поступила в редакцию 24 декабря 2018 г.

Аннотация: в статье рассматривается роман-антиутопия французского писателя М. Уэльбека «Покорность» с точки зрения современной глобалистской идеологии. В своем романе автор показывает утрату Европой своей национальной и религиозной идентичности в стремлении сохранить комфорт и инстинкт потребления. На примере типичного французского интеллигента М. Уэльбек описывает крушение традиционных гуманистических идеалов, которые заменяются идеями космополитизма и конформизма.

Ключевые слова: антиутопия, постмодернизм, Уэльбек, глобализм, демократия, дегуманизация, гиперреальность, симулякр.

Abstract: the article is dedicated to the novel-antiutopia "Soumission" by French writer M. Houellebecq from the point of view of modern globalist ideology. In the novel the author shows Europe's loss of national and religious identity in an effort to preserve the comfort and instinct of the consumption. By the example of a typical French intellectual M. Houellebecq describes the crash of traditional humanistic ideals which are replaced with the ideas of the cosmopolitanism and the conformism.

Keywords: antiutopia, postmodernism, Houellebecq, globalism, democracy, dehumanization, hiperreality, simulacrum

На рубеже XX–XXI веков Европа стала превращаться в бессубъектный симулякр, несуществующую модель гиперреального, отделившуюся от осязаемой территории, воплощая концепцию Ж. Бодрийяра об устранении реальности как таковой в ее жизненных формах, подмененных «пустыней самого реального» [1, 17]. В ситуации неразрешимых противоречий между утопическими надеждами европейцев и безличной антиутопической действительностью происходит утрата базовых консервативных ценностей и подмена их ложными установками и представлениями. Вопросы деградации и неминуемого исчезновения европейского сообщества под воздействием продвигаемой глобалистской неолиберальной надгосударственной идеологии рассматриваются французским писателем-мизантропом М. Уэльбеком в романе-антиутопии «Покорность» (2015), жанрово определяемым автором как «политическая фантастика». Уэльбек продолжает традицию антиутопий XX века (Дж. Оруэлл, О. Хаксли, Р. Брэдбери), запечатлевших трагедию распада европейской цивилизации, пораженной кризисом веры и разочарованием в научно-техническом прогрессе. На место рационального познания и культуры ставится материальное существование, определяя бытие современного человека.

Несмотря на то, что М. Уэльбека обвиняли в исламофобии, он обращается не к теме востока, а к проблемам европейской жизни, не надеясь на положитель-

ные изменения и предвещая, подобно О. Шпенглеру и Ф. Ницше, смерть богов и закат западной цивилизации. На встрече с читателями в Кёльне писатель заявил о своей нетолерантной позиции: «После того, что произошло, могло бы быть ещё хуже. Я должен был бы постоянно объяснять, что, во-первых, я написал не исламофобскую книгу, а во-вторых, у меня есть право написать исламофобскую книгу» [2].

Трагизм современного западного общества, в представлении писателя, состоит в том, что оно утратило способность действовать разумно, перейдя в перманентное «состояние лицедейства», следуя воображаемому перспективам, когда, по словам Ж. Бодрийяра, «все утопии обрели реальные очертания.., все же стали реальностью» [3, 242]. Идею подоплекой романа следует считать выработанную послевоенной политической элитой идеологию мультикультурализма и внушение европейцам чувства вины и ответственности за колониализм, фашизм и нацизм. Точка зрения М. Уэльбека выражается сквозь призму пессимистических учений О. Шпенглера, Ф. Ницше, А. Бретона, Ж. Бодрийяра и др., считавших, что Европа неуклонно движется к своему краху, совершая политическое и духовное самоубийство.

О. Шпенглер в своей книге «Закат Европы» предвещает завершение исследовательских целей фаустовского человека, «конец света как завершение внутренне необходимого развития — вот закат богов» [4, 490]. Как считал О. Шпенглер, устремленная к познанию и деятельности фаустовская душа пресы-

тилась знаниями и культурой, состарилась, утратив радость от получаемых научных результатов, «смерть науки заключалась в том, что она больше ни для кого не событие» [4, 491]. В результате европейское сознание захватил дух скептицизма по отношению к разуму, дальнейшее развитие получил и духовный кризис, как посчитали европейцы, цели познания достигнуты, поэтому Фауст во второй части трагедии Гете умирает. Предрекая крах западной цивилизации, О. Шпенглер утверждает: «Нам еще предстоит последний духовный кризис, который охватит весь европейско-американский мир» [4, 491].

С точки зрения идеологов нового взгляда на действительность, бинаризм оппозиционных понятий подменяется релятивизмом, выявляя противоречия внутри целого, в связи с чем сохраняет актуальность положение сюрреалиста А. Бретона, бросившего вызов рационалистическому детерминизму: «все заставляет нас верить, что существует некая точка духа, в которой жизнь и смерть, реальное и воображаемое, прошлое и будущее, передаваемое и непередаваемое, высокое и низкое уже не воспринимаются как противоречия» [5].

При всей политизированности романа и попытке осмыслить пути движения современной западной цивилизации, М. Уэльбек действует как постмодернистский писатель, стремясь не поучать, а развлекать читателя, следуя принципам безответственного искусства, перемещаясь от созидания к разрушению и окончательной деструкции. Писатель и сам признается, что «не чувствует себя ответственным. Суть романа заключается в том, чтобы развлечь читателей, и страх в нем является одним из самых увлекательных вещей» [2].

В романе описываются события недалекого будущего 2022 года, связанные с выборами президента во Франции, на место которого претендуют реальные политические фигуры — представитель Национального фронта Марин Ле Пен и кандидат от партии Мусульманского братства Мохаммед Бен Аббес. Познакомившись с романом, Ле Пен назвала книгу «вымыслом, который может стать реальностью» [2]. М. Уэльбек и изображает Францию как государство нового типа под управлением исламистов, покорность же становится показателем толерантности и утраты национальной и личностной идентичности.

Главный герой романа профессор литературы Франсуа — типичный европеец-интеллигент, приверженец толерантных ценностей и стереотипов, он воплощает собой «отказ от культуры», так как она «перестает обнаруживаться в высших научных интеллигенциях» [4, 491] в силу ее обмельчания и бесплодности деятельности, не связанной с национальными интересами общества. Защитив диссертацию в Сорбонне о творчестве декадента Жориса-Карла Гюисманса, он пришел к выводу о бесполезности

научных достижений в обществе потребления, где каждый одержим жаждой денег и стремится «заполучить место под солнцем в мире, основанном, как они полагают и надеются, на соревновательном принципе, к тому же их раззадоривают всякого рода идолы, будь то спортсмены, модные дизайнеры, создатели веб-сайтов, актеры или топ-модели» [6, 12].

Ни о какой созидательной деятельности речи не идет, главное, попасть в модный тренд, не отстать от буржуазного ритма жизни, целью которого является неутолимое удовлетворение материальных желаний. Европейский человек превратился в средство манипуляции надгосударственными корпорациями, утратил национальную идентичность, по сути, превратившись в марионетку либерального глобализма. Отсюда его неуверенность в себе и своем будущем, понимание своей никчемности, энтропийное настроение, что свойственно и герою романа.

Своим кумиром герой считает Жориса-Карла Гюисманса, французского писателя рубежа XIX–XX веков. Декадент и сатанист, Гюисманс в своем романе «Наоборот» вслед за Ф. Ницше и мистиками декаданта проповедует человеконенавистничество и поклонение потусторонним силам, воспринимая зло как основу современного бытия. В условиях дегуманизации сознания и культуры взгляд героя на литературу раздваивается, что позволяет говорить о проблематизации творческой ориентации современного художника, сокрушающего выработанные веками гуманистические ценности и одновременно сожалея об их утрате. Гуманистическая часть сознания Франсуа уверена, что «только литературе подвластно пробудить в нас чувство близости с другим человеческим разумом в его полном объеме, с его слабостями и величием, ограниченностью, суетностью, навязчивыми идеями и верованиями; со всем, что тревожит, интересует, будоражит и отвращает его» [6, 13]. Но в то же время он наблюдает процесс вытеснения человеческого из искусства, которое «на наших глазах завершает свое существование». Поэтому Франсуа убежден, что функция гуманитарных наук в современной системе образования очень ограничена, она заключается в обращении к подсознательным глубинам психологии и «может дать повод для восхищения и предложить по-иному взглянуть на мир», установить мистическую «связь с разумом умершего, даже более исчерпывающую и глубокую, чем та, что может возникнуть в разговоре с другом» [6, 14]. Поскольку знание утратило свою ценность в современном мире господства массмедиа и не давало обретения уверенности, герой испытывает разочарование в пользе образования: «Образование, полученное на филологическом факультете университета, как известно, практически не имеет применения» и может быть полезным лишь как «дополнительный козырь» для устройства в сферу торговли [6, 18].

Знание теперь не ассоциируется со свободой и уверенностью в завтрашнем дне, напротив, защитив диссертацию, Франсуа пришел к пониманию, что «утратил нечто бесценное, нечто, что я уже никогда не верну: свою свободу» [6, 16] интеллектуального общения. Но он утратил свободу и в собственной жизни, поняв, что вынужден обитать в ставшем чуждым и опасном для него мире, которым теперь управляют чужеземцы — мигранты. Демонстрируются худшие качества западной демократии, при которой, как заметил еще Платон, «существует своеобразное равенство — уравнивающее равных и неравных» [7, 309], коренных и некоренных жителей:

Сформированный под влиянием дегуманизированной философии Гюисманса и Андре Бретона, Франсуа не способен на искреннее чувство, он живет жизнью интеллектуального демократа-гедониста, «угождая первому налетевшему на него желанию» [7, 313], его многочисленные ничего не значащие любовные романы выражают внутреннюю пустоту, стирающую границы между человеческим и животным состоянием: «Подружек своих я бросал вообще-то от уныния и усталости: мне просто было уже не под силу продолжать отношения, и я пытался, как мог, обезопасить себя от разочарований и отрезвления» [6, 26].

Отныне человеческое и животное уравниваются в правах в рамках глобалистской идеологии, отпадает необходимость идентификации человека в единстве в нем психической, физической и нравственной составляющих, достаточно проявления побуждений физиологических инстинктов, что фактически продолжает направление мысли О. Хаксли о создании обезчеловеченного технократического общества потребления, обеспеченного равными правами и возможностями за счет утраты принадлежности к человеческому роду и превращения в биологическую «особь» под девизом: «Общность, одинаковость, стабильность» [8, 7]. Энергия Франсуа направлена в пустоту, к нему пришло понимание, что утрачены человеческие и общественные связи и традиции, остается лишь состояние перманентного лицедейства и лицемерия, чтобы приспособиться к сложившимся обстоятельствам, которыми европейский человек не способен управлять и воздействовать на внешние обстоятельства.

Будучи интеллектуалом, Франсуа в то же время находится во власти своего подсознания и готов отказать от разумной части личности, подчиняясь внешним обстоятельствам: «разум мой блуждал в каких-то темных и смутных пространствах, и теперь мной овладела смертельная тоска» [6, 132]. Став толерантным и равнодушным, Франсуа превращается в музильского «человека без свойств»: «Я вообще ни за что», — говорит он [6, 46]. Но в его раздробленном асимметричном сознании еще сохранились «пережитки» консервативного сознания,

диктующие способ выживания: «Патриархат хорош уже тем, что существовал, я хочу сказать, что в качестве социального уклада он был устойчив, и семьи с детьми, в общем и целом, воспроизводили себе подобных по одной и той же схеме, короче, дело шло своим чередом. А сейчас детей не хватает, так что это дохлый номер» [6, 46].

Уверовав в религию технического прогресса человечества, европейцы отвергли идею трагического восприятия жизни, как замечает писатель, история повторяется, но ничему не учит современное европейское сообщество, которое в своем гедоническом легкомыслии оказалось неспособно услышать предостережения современных «кассандр», «предрекавших гражданскую войну» между иммигрантами из мусульманских стран и коренным населением Западной Европы» [6, 63]: «Подобная слепота, впрочем, не несла в себе никакой исторической новизны: в тридцатые годы прошлого века то же самое происходило с интеллектуалами, политиками и журналистами, которые все как один были убеждены, что Гитлер “рано или поздно одумается”» [6, 64].

Оказывается, больше, чем засилье чужеродных культурных ценностей, европейцы боятся возрождения национальных традиций и самосознания, лицом которых является глава Национального фронта Марин Ле Пен. М. Уэльбек и изображает Францию как квазигосударство нового типа под управлением исламистов, покорность же становится показателем толерантности и утраты национальной и личностной идентичности. Франция же погружается теперь в религиозную борьбу между двумя мусульманскими группировками — джихадистами, считающими эту страну «землей неверия, дар аль-куфур», и не столь радикальным Мусульманским братством, для которых «Франция потенциально является частью дар аль-ислама» [6, 163].

Понимая, что коренные французы уже не являются хозяевами своей страны, Франсуа и сам трансформируется в «чистый симулякр», не имея отношения к какой-либо реальности. Слова Мопассана: «счастлив тот, кто удовлетворен жизнью, кто доволен и веселится» [6, 43], — можно считать девизом современного европейца, подобного Франсуа, не желающего променять личную эвдемонию на ответственность за судьбу своей страны и будущих поколений. Утратив национальную и культурную идентичность, Франсуа боится, как дрессированный зверь, предпочитая безвольно покориться требованиям глобализма и толерантности. М. Уэльбек демонстрирует гедонистическое видение современного человека, целью которого является неутолимое удовлетворение желаний, что побуждает его примириться с терроризмом и жить по принципу: после нас хоть потоп.

Франсуа становится пассивным, не желающим мыслить субъектом, его самость проявляется в полной бездеятельности и равнодушии, воспринимая

политическую борьбу как развлекательное шоу, игру власти, превратившейся в симуляцию, и когда власть, по характеристике Ж. Бодрийера, «полностью исчезнет, мы будем пребывать логически в тотальной галлюцинации власти — навязчивой идее, такой, какая она уже повсюду вырисовывается, выражая одновременно непреодолимое желание от нее отделаться (никто ее уже не хочет, все хотят всучить ее друг другу) и паническую ностальгию по ее потере» [1, 46]. Отсюда двусмысленность положения европейского человека, понимающего, что президент или другой политик не более, чем марионетка глобалистской власти: «По мере истощения политической сферы Президент становится все более похожим на ту Марионетку Власти, которой является глава примитивных обществ (Кластр)» [1, 46].

Будущее впавшей в слабоумие и безволие Европы неопределенно, перед ней стоит сложный выбор между покорностью и суверенитетом: или погибнуть как цивилизация, растворившись в навязанных извне чуждых ценностях, или сохранить свою национальную идентичность. Единственной силой, способной пробудить национальное самосознание, оказался Национальный фронт Марин ле Пен, выступившей с патриотическими лозунгами «Мы — народ Франции» и «Мы у себя дома» [6, 139]. Но дальше рассуждений о результатах грядущих выборов французы не в состоянии действовать, у них наступает паралич воли, порождающий чувство покорности и безысходности: «пришла пора пойти на мировую и заключить союз с исламом» [6, 170].

М. Уэльбек дает пессимистический ответ, предопределяя судьбу Европы, скатившейся в нищезанскую бездну безверия и торжества толерантных ценностей, дающих каждому европейскому жителю гарантированное получение удовольствий при условии поклонения новым богам: «И все, с этой минуты я стану мусульманином», — таков итог свободы выбора Франсуа и его утешение в возможности жить по инерции подпольного «мертворожденного» человека, которому не о чем сожалеть, так как он остается винтиком буржуазной машины, обеспечив себя комфортом потребителя, но утратив личностное содержание [6, 343]. Герой испытывает состояние мистического экстаза от осознания удовлетворения материальных и физических потребностей, становясь одной из множества машин желаний, обитающих в безжизненном виртуальном мире осуществленных фантазмов. М. Уэльбек избрал для себя роль стороннего пассивного наблюдателя, на смену фаустовскому активному деянию приходит меланхолия, парализующая волю и интеллект, что в итоге ведет к утрате чувства жизни.

Дух жизни как Божьего творения подменяется на инстинкт выживания, герой теряет контакт со своим внутренним миром, перейдя в стадию безжизненного симулякра, «дух окончательно расстался

со мной, умалив меня до ущербного, брэнного тела» [6, 196]. Победившая идеология мультикультурализма означала изменения в сознании, ориентированном теперь на информацию СМИ, которую власть использует для манипуляций умами европейцев. Главное для власти — сохранить себя и свои привилегии, выдавая принцип желания (удовольствия) за единственно возможную реальность (гиперреальность), стремясь устранить общество от решения политических и социальных проблем, как лицемерно заявит премьер-министр, «всякий, кто поставит себя выше демократической законности... окажется вне закона, и обращаться с ним будут соответственно» [6, 135]. Налицо все признаки тиранического государства.

М. Уэльбек рисует неутешительные перспективы недалекого будущего французского общества, которому скоро предстоит жить по мусульманским законам, ориентированным не на экономические блага и геополитику, а демографию и образование: «победа останется за группой населения с более высоким уровнем рождаемости» [6, 96]. Если французы, как и все остальные европейцы, продолжают держаться за принципы гедонизма, стремясь сохранить условия комфортной и праздной жизни: «конфи из утиной ножки никак не вязалось в моем воображении с гражданской войной, — говорит герой [6, 145], — то для мусульман важнее обеспечить «премственность своих ценностей», включенных в созданную ими систему образования, что позволит им обеспечить устойчивость существования: «кто получит контроль над детьми, получит контроль над будущим» [6, 96]. Новая система образования ориентирована на обучение ремеслу, в то время как «обязательное школьное обучение ограничивалось начальными классами» [6, 229]. Получение высшего образования переходило в «сугубо частный» этап [6, 230] и зависело от материальных субсидий со стороны. Что это, как не борьба за души и умы молодого поколения на основе догматических идеологических и религиозных законов, отвергающих европейский дуализм и идею многообразия культур?

Таков перешедший в ислам француз Редигер, будущий ректор мусульманской Сорбонны. Он прозорливо уловил политическую конъюнктуру, сумев занять свое «место под солнцем» в измененном мире обесцененных гуманистических ценностей, которые больше не определяют национальное самосознание французов. Европейцы продолжают жить по выработанной ими формуле «жизнь есть сон», поэтому происходящее им представляется «дурным сном или ошибкой, которая в скором времени будет исправлена» [6, 137]. Уэльбека интересует вопрос: откуда у французов такое безволие и апатия в отношении своего будущего? Они «бестолково мечутся» [6, 108], не имея четкой идейной и нравственной позиции, идут на компромисс и примирение с проявлениями зла, насилия, а чтобы сохраниться, предпочитают

вписываться в коллективный (стадный) опыт, «пусть унылый, зато общий для всех», что способствовало «некоторой покорности судьбе» [6, 140].

Ответ следует искать в отсутствии внутренней жизни и духовных потребностей и состоянии теплохладности, срединном пребывании между добром и злом, о котором говорит Евангелие: «знаю твои дела; ты ни холоден, ни горяч; о, если бы ты был холоден, или горяч! Но, как ты тепл, а не горяч и не холоден, то извергну тебя из уст Моих» (Откр. 3:15–16). Отпадение от церкви дезориентировало и децентрировало западного человека, приведя его в ницшеанскую бездну демократии, где «боги умерли», а духовность толерантно уравнилась с низменностью, как говорил Ницше: «некогда дух был Богом, потом стал человеком, а ныне становится даже чернью» [9, 31].

Паломничество в монастырь в Пуатье не помогло Франсуа обрести утраченное религиозное чувство, он не смог проникнуться богослужениями, осознав правоту Ф. Ницше о христианстве как религии слабых. Влекомый инстинктами материальной жизни, Франсуа также «теряет контакт» с религией, особенно чувствуя эту утрату духовных связей перед статуей Мадонны: «Дух окончательно расстался со мной, умили меня до ущербного, брэнного тела» [6, 195]. Используя прием постмодернистской фрагментарности, позволяющей конструировать текст с внезапными вставками, М. Уэльбек обращается к историческому прошлому Франции как образцу национального героизма, напомнив о битве Карла Мартелла против арабов при Пуатье в 732 году: «Это была действительно решающая битва, положившая начало средневековому христианству» [6, 170]. Католическое христианство, бывшее «непререкаемым моральным авторитетом» [6, 175] и консервативной силой, объединяющей единоверцев, теперь утратило не только значение, но и смысл существования, будучи подавленным фашистскими по своей сути ценностями глобалистской идеологии. В представлении современных европейцев христианская религия — отживший атавизм, не определяющий духовные ценности современной европейской жизни. Дуалистическое сознание человека XXI века сложилось из научно-механистических представлений о божественном (Ньютон, Вольтер, Эйнштейн), более того, считает герой, этот аргумент «звучит все убедительнее, по мере того как наука устанавливает сеть взаимосвязей между астрофизикой и квантовой механикой» [6, 291]. Религиозные вопросы еще не утратили значения в постгуманистическом обществе, у атеизма «нет прочной основы», замечает Редигер [6, 289]. Но в то же время дуалистическое гностическое сознание объединило научность и религиозность, что замечает тот же Редигер: «Говоря о Боге, я для начала даю собеседникам почитать учебник по астрономии» [6, 289]. Оказалось, что идея мирового сообщества, основанного на неких единых уравнивающих

принципах гуманизма, оказывается ложной и успокоительной для утративших здравый смысл и жизненные ориентиры французов.

Предав историческую память, французские демократические партии, поддавшись фальшивой идее псевдонационального согласия, поддерживают кандидата от Мусульманского братства. Начатый социалистами и ЮМП (союз за народное движение) процесс интеграции в единую федеративную Европу, должен поглотить Францию и фактически стереть ее с лица земли. Чтобы сохранить политическую власть, французские партии идут на предательство интересов страны и готовы заключить союз с исламом, утешаясь тем, что Бен Аббес умеренный мусульманин, а значит, остается надежда на выживание за счет утраты национальных интересов. Власть исламского правительства, как считает герой романа, станет залогом сохранения католицизма, поскольку для мусульман злейшим врагом является не «католичество, а секуляризм, антиклерикализм, атеистический материализм» [6, 179].

Евреям будет сложнее взаимодействовать с исламом в силу обостренного палестинского вопроса, но ни католичество, ни иудаизм не являются главными врагами мусульман. Поскольку католичество — одна из трех мировых религий, необходимо повернуть направление религиозной мысли католиков и заставить их принять ислам, с иудеями будет сложнее, но они могут эмигрировать из Франции.

Подобно животному организму, Франсуа приспосабливается к изменяющейся окружающей среде, следуя дарвиновскому инстинкту самосохранения: переводит счет в другой банк, уезжает из Парижа, словом, стремится сохранить все атрибуты комфортной жизни в новых условиях. Проецируя свою жизнь на жизнь героев Гюисмана, Франсуа отмечает, что история существенно не изменилась — такое же множество политических конфликтов, терактов, локальных войн.

Преобразованная в гиперреальность современная реальность не соотносится больше с исторической правдой, события выставляются как продукт медиа, череда политических шоу, а современное общество, по словам Дебора, трансформируется в «общество спектакля», где разыгрываются демократические игры в борьбу за власть, перемещая человека в пространство виртуальных отношений, он может наблюдать с экрана телевизора политические дебаты с точки зрения СМИ, превращая, по мнению западных философов (Бодрийяр, Видаль), весь мир в огромный Диснейленд: «Национальный фронт и Мусульманское братство изначально решили идти на выборы; они, словно на спор, вознамерились взять власть, соблюдая правила демократической игры» [6, 164].

В условиях постиндустриального и постгуманистического общества политическая правдоподобность опирается не на жизненный опыт, а поддерживается

через симуляции реального в массмедиа. Описанная М. Уэльбеком модель устройства современного европейского общества отражает платоновскую концепцию демократии как извращенного типа государства. Демократическая организация власти, как считает М. Уэльбек, приводит к управлению не лучших и опытных, а тех, кто «обнаружил свое расположение к толпе» [7, 309], но «не имеет ни малейшего опыта в принятии управленческих решений ни в общенациональном, ни даже в местном масштабе; в политике они просто дилетанты» [6, 169]. Идею маргинализации власти Платон считал главенствующим принципом демократии, когда вместо ответственности целью становится удовлетворение «первого налетевшего» на человека желания, поэтому «демократический строй... нисколько не озабочен тем, кто от каких занятий переходит к государственной деятельности» [7, 309]. Ничем не ограниченная свобода «в неразбавленном виде» [7, 314], в условиях демократии оборачивается в итоге тиранией, так как, по мысли Платона, «из крайней свободы возникает величайшее и жесточайшее рабство» [7, 316]. Надвигающаяся псевдодемократическая тирания Мусульманской партии под предлогом свободы начинает урезать права коренных французов (преподаватели-женщины изгоняются из университетов, вводится система раздельного и параллельного обучения, приоритет в финансировании образования отдается мусульманским школам и т.д.). Бен Аббес устанавливает исламские законы, вводится многоженство.

Результатом стратегии глобалистов становится квазигосударство, ориентированное на космополитичную модель Римской империи своей способностью «объединять народы, разделенные религией и языком», чтобы обеспечить их участие в едином политическом проекте» [6, 333]. «Высшим образцом для подражания» [6, 184] для Бен Аббеса, приверженца не только исламских, но и европейских ценностей, становится римский император Октавиан Август. Бывшая когда-то великой христианской цивилизацией, Европа скатывалась в язычество, политический плюрализм, деспотизм и дарвинизм. Перейдя красную черту, Франсуа перемещается в иное пространство гиперреальности, где устанавливается новый космический миропорядок: «В моем воображении пронесутся образы созвездий, сверхновых звезд и спиральных туманностей, а также образы источников, девственных каменистых пустынь и бескрайних, почти первозданных лесов; понемногу я проникнусь величием космического порядка» [6, 343]. Этим гиперкосмосом для героя является исламский мир, в тишине которого ему будет дан «шанс начать другую жизнь, никак, по сути, не связанную с предыдущей» [6, 344].

С точки зрения католической космогонии Франсуа перемещается в описанный Данте слепой мир, первый круг ада, названный лимбом, где царит ду-

ховная темнота язычества и бродят тени, не освещенные светом истинной веры Христа. Такова участь современного европейца — вечное движение «во тьме, ничем не озаренной» [10, 317], о чем не будет сожаления у европейского человека, живущего по «универсальным принципам, применимым ко всем живым существам» [6, 336], следуя дарвиновскому закону подчинения божественного человеческого.

Созданный европейским союзом сад земных наслаждений обернулся для его обитателей своей противоположностью — торжеством хаоса и неопределенной реальности, в которой человек выродился до уровня ничего не значащей марионетки — потребителя материальных благ. Как и в других своих романах, пессимист М. Уэльбек предсказывает гибель западной цивилизации, к которой она идет добровольно, «вымирание представляется неотвратимым», — скажет автор в романе «Элементарные частицы» [11]. Жизненно важным для героя является не осознание никчемности его жизни, а вопрос о количестве жен, в случае, если он согласится опять преподавать в Сорбонне, перешедшей после выборов 2022 года в управление к меценатам из Саудовской Аравии. Выбор Франсуа ограничен, он плывет по течению и вместе со всеми выбирает покорность. М. Уэльбек приходит к выводу, что постмодернистский конформизм постулирует отказ от когнитивной, экзистенциальной личности, предлагая взамен маргинального внеаходимого субъекта, лишённого гуманистического и духовного иммунитета, пустой след вместо живого человека.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляция / Ж. Бодрийяр. — Тула: Тульский полиграфист, 2013. — 204 с.
2. Кризафис А. Мишель Уэльбек: «Исламофоб ли я? Вероятно, да» / А. Кризафис // The Guardian. — Режим доступа: <http://inosmi.ru/world/20150914/230253721.html> (дата обращения: 01.02.2019).
3. Бодрийяр Ж. Прозрачность зла / Ж. Бодрийяр // К. Ясперс, Ж. Бодрийяр. Призрак толпы. — М.: Алгоритм, 2007. — 272 с.
4. Шпенглер О. Закат Европы. В 2 т. Т. 1 / О. Шпенглер. — М.: Айрис-пресс, 2006. — Т.1. — 528 с.
5. Бретон А. Второй Манифест сюрреализма — Режим доступа: [Электронный ресурс] / А. Бретон. — Режим доступа: <http://refdb.ru/look/2440166.html> (дата обращения: 01.02.2019).
6. Уэльбек М. Покорность / М. Уэльбек. — М.: АСТ: CORPUS, 2016. — 352 с.
7. Платон. Государство. Законы. Политик / Платон. — М.: Мысль, 1998. — 798 с.
8. Хаксли О. О дивный новый мир / О. Хаксли. — М.: АСТ, 2013. — 284 с.
9. Ницше Ф. Так говорил Заратустра / Ф. Ницше. — Минск: Харвест, 2007. — 1037 с.
10. Данте А. Божественная комедия / А. Данте. — М.:

Терра-Книжный клуб, 2002. — 688 с.

11. Уэльбек М. Элементарные частицы / М. Уэльбек. — М.: Азбука — Аттикус, 2013. — 384 с. — Режим доступа:

http://www.libok.net/writer/2510/kniga/7331/uelbek_mishel/elementarnye_chastitsyi/read (дата обращения: 01.02.2019).

Армавирский государственный педагогический университет

*Стрельникова Л. Ю., кандидат филологических наук, доцент кафедры отечественной филологии и журналистики
E-mail: lorastrelnikova@yandex.ru*

Armavir state pedagogical University

*Strelnikova L. Yu., Candidate of philological Sciences, assistant professor, associate Professor of the Department of national Philology and journalism
E-mail: lorastrelnikova@yandex.ru*